

СОВРЕМЕННОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ОЧЕРЕДНАЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Георгий Дерлугьян

Россия – типичное государство догоняющего развития, которое с немалым успехом на протяжении последних пяти столетий компенсировало недостаток капиталистической рациональности применением государственного принуждения и централизованной бюрократической координации. Однако во второй половине XX века эта модель была исчерпана, когда исчезло неприхотливое русское крестьянство и вместо него возникли новые классы образованных специалистов, потребовавших большего участия в управлении промышленными предприятиями, культурной сферой, и самим государством. Общесоветская демократизация провалилась из-за неожиданного распада самого государства. Что дальше — сползание в коррупцию и бедность Третьего мира, очередная военно-бюрократическая реформа, как при Петре и Сталине, или же нечто иное, задаваемое социал-демократической геокulturой объединенной Европы, пытающейся посредством углубления внутренней интеграции и расширения на восток освободиться от гегемонии США?

Созволюция капитализма и национального государства

Проанализируем историческую траекторию Запада, чтобы выяснить, каким странным путем возникло социально-правовое государство из первоначально военно-рэкетиурской организации и почему на Западе впервые в истории социальных систем был достигнут устойчивый технический прогресс. Здесь нам помогут новаторские работы И.Валлерстайна, Р.Коллинза, М.Манна, Ч.Тилли и П.Андерсона, образующие классический корпус Золотого века исторической макросоциологии 1970-90-ых гг. [1].

В Западной Европе во времена упорядоченной средневековой анархии сложились густые сети рыночных городов и денежные экономики, достигавшие многих сельских районов. В отличие от редкозаселенных и обширных империй (испанской, турецкой, российской, а также польско-литовской) в западной части Европы основной политической и организационной задачей королевской власти было договориться с бюргерами-горожанами о нормированном изъятии части их продукта. Договариваться приходилось потому, что автономные сословия (английские йомены, скандинавские хуторяне, зажиточные французские крестьяне), но все-таки более всего именно бюргерские города, обладали достаточными возможностями оказать серьезное сопротивление как самостоятельно, так и в союзе с аристократическими или церков-

ными противниками короля. В то же время сельские и городские предприниматели были заинтересованы в нормализации центральной власти — все-таки лучше, когда в королевстве царит предсказуемый порядок и есть возможность оспорить произвол местного барона.

Так из союза централизаторской королевской власти и мелких собственников, заключавшегося в основном против баронов, сложились первые режимы правовых гарантий — абсолютистские монархии. Они создавались бессистемно, из множества местных конфликтов и прецедентов их разрешения, и поэтому они не отличались нормативной стройностью. Почти столетие буржуазных революций уйдет на политически запутанную и нередко кровавую борьбу за рациональное выпрямление писаного права и администрации западноевропейских государств.

Парадокс западной эволюции к современной демократии заключается в том, что европейское государство в историческом зародыше неотличимо от организованной преступности, точнее, упорядоченного рэкета. В фундаментальном исследовании исторических истоков власти и государственности Майкл Манн и Чарльз Тилли весьма убедительно показали, что феодализм и идущая от него современная государственность выросли из длительного исторического процесса, который развивался по логике рационализации и упорядочивания первичного элементарного грабежа [2].

Раннегосударственные формы господства есть по своей сути рэкет, т.е. дань, собираемая князьями и дружинниками – вымогательство в обмен на защиту от самих себя и от чужих рэкетирских организаций. Однако если такого рода элитно-военная власть собирается просуществовать дольше простого набега, то ей потребуется какое-то идеологическое освящение (одна из статусно-ранговых религий, созданных в древнем цивилизационном ареале Средиземноморья, будь то католичество, православие или ислам), какие-то арбитры в спорах (епископы, сегодня у нас возродившиеся в виде воров в законе) и престижный кодекс социально-сдерживающих понятий. В сумме получается феодализм.

Чего так сильно не хватало всем неомарксистским теориям объяснения развития капитализма, так это признания решающего значения войны и милитаризации [3]. В ходе огнестрельной революции XV-XVII веков на пространствах Европы побеждали новые централизованные государства, способные производить стандартизированное огнестрельное оружие в промышленных масштабах, содержать под ружьем значительную часть мужского населения, воспитать офицерскую прослойку, создать всепроникающую бюрократию, призванную финансировать новые армии. В результате долгосрочное структурное превосходство оказывается на стороне тех государственных организаций, которые сочетали геополитическое преиму-

щество относительно крупной территории (постепенно микро-княжества поглощаются более масштабными военными экономиками абсолютистских монархий) и находили в пределах своей территории концентрированные денежные и ремесленно-промышленные ресурсы, т.е. раннекапиталистические города.

Так в Западной Европе началась сложная историческая соэволюция национальной государственности и капитализма. Абсолютистское правовое государство и выросшая на его основе конституционная демократия исторически возникают именно как сумма правил и гарантий против собственного произвола, которые правящие военно-аристократические и, с XVI в., военно-бюрократические элиты будут принуждены давать своим подданным в обмен на согласие регулярно платить налоги и служить в армии.

Капитализм, по простейшему определению, которое имеется в учебниках, есть деньги, вложенные в достижение еще больших денег. Извлечение прибыли — довольно старинное дело, известное, как минимум, еще финикийским купцам. Однако те же купцы хорошо знали, насколько их капиталы соблазнительны для тех, кто практиковал грабительские способы добычи богатства и славы, поэтому брались только за наиболее высокодоходные операции, прежде всего в торговле относительно компактными, но исключительно дорогими предметами роскоши под патронажем самых сильных в округе обладателей средств принуждения — фараонов или персидских царей.

Позднее крупнейшие купцы научились суживать деньги королям под обязательства будущих доходов казны от налогов или особо доходных сырьевых монополий. Но силы олигархов и короны все-таки оставались неравны, о чем свидетельствовало банкротство известнейшей транснациональной компании Европы XVI века — торгового дома Фуггеров из Аугсбурга, покусившихся приватизировать испанские рудники в Перу. Выдоив Фуггеры досуха, мадридский двор в 1557 г. прибегнул к суверенному дефолту, объявив саму идею банковского процента «богопротивной». Оспорить мнение Их Католических Величеств, как известно, решились в тогда еще полностью испанских Нидерландских провинциях, до предела насыщенных раннекапиталистическими городами и радикальными протестантскими движениями.

Прорыв наступил в тот момент, когда значительная масса западноевропейских мелких и средних предпринимателей постепенно выторговала либо, подобно голландцам и англичанам XVII в., в затяжных восстаниях и войнах с католической Испанией обрела собственные буржуазные государства и достаточную защищенность. В результате ранние капиталисты настолько понизили свои коллективные издержки на безопасность и политический патронаж, что вскоре стали выгодны долгосрочные инвестиции в техническое пе-

реоснащение, и даже стала достаточно привлекательна низкая норма прибыли на массовых рынках железа и хлопковой ткани. В Западной Европе к XVIII в. промышленное производство и технические инновации впервые стали выгоднее караванной торговли предметами роскоши, ростовщичества и коррумпированного откупа королевских монополий.

Под давлением Наполеоновских войн конца XVIII – начала XIX ст. оформится удивительный, если разобраться, тип власти — государствам придется давать формальные гарантии, в сущности, против самих себя и создавать институты компенсации за последствия своих военно-мобилизационных усилий (например, пенсии вдовам и искалеченным войной ветеранам) в обмен на право изымать у подданных оговоренную часть их дохода и мужчин призывного возраста. По французскому примеру этот сдвиг в типе государственного управления будет оформлен объединяющей все бывшие сословия риторикой государственного патриотизма: появятся национальные гимны, флаги и могилы не королей и полководцев, но Неизвестного солдата.

Одновременно с этим в ходе Наполеоновских войн в Англии и Франции начнется предпринимательское применение технических новинок в массовом производстве, ориентированном преимущественно на военные нужды. Государственный спрос военного времени, впрочем, выступил здесь мощным катализатором. Промышленная же революция оказалась непредвиденным долгосрочным последствием создания рыночно-правовых гарантий в эпоху европейского абсолютизма.

Подведем некоторые итоги. В результате конstellляции ряда конъюнктурных факторов в XVI веке возникает капиталистическая мироэкономика, но она первоначально действует внутри по сути своей еще постфеодального мира. На этой стадии капиталистические операции ограничены сферой королевских долгов, высокодоходной экспортно-импортной торговлей и весьма ограниченным производством (что аналитически похоже на постсоветский «политический капитализм»). Остальные сферы пока действуют по некапиталистическим логикам. Туда капитализм может вторгаться, изымать ресурсы, манипулировать условиями обмена (любимый пример И. Валлерстайна: польское крепостничество или португальская полупиратская торговля в Индиях).

Капитализм в соединении с пушками и океанскими кораблями позволил европейским государствам ликвидировать всех своих конкурентов и в первую очередь, массивные аграрные империи Азии, начиная с Индии и кончая Китаем и Персией. Прочие эволюционные потоки (аграрные империи, кочевые объединения, родоплеменные группы) оказались буквально съедены

этой крайне экспансивной сомутацией капитализма и военного государства (впрочем, прилагательное военное здесь для подчеркивания идеи, не более, – все государства до наступления XIX века были по сути и по главной функции организациями для подготовки и ведения войн, как показал Тилли). Капитализм оказался глобальным уже к середине XVI века.

Наиболее успешный пример – Голландия, где, как показал Джованни Арриги, капитализм смог впервые овладеть государством изнутри [4]. Нидерланды были первым современным государством, которое сознательно создали капиталисты, по сути даже не вполне государство, а скорее купеческое акционерное общество по финансированию и организации собственной обороны, а затем (в Ост-Индиях) и нападения на сильнейшую державу своего времени – мировую империю испанских Габсбургов. Пример военного успеха крохотной, но очень богатой и рационально организованной Голландии (к Вестфальскому миру 1648 г. у Франции был флот в одну тысячу кораблей, а у голландцев – 17 тысяч) имел громадное воздействие на абсолютистские государства, которые начали (и, что интересно, оказались способны) перенимать голландские новшества.

Весь XVIII век идет перенимание новшеств капиталистической организации мануфактурного производства, армии и флота и даже пересаживание капитализма по всей Европе. Но уже начала работать логика миросистемных структур, прежде всего – осевого разделения труда и, соответственно, деления экономико-географических зон на технически передовой центр и аграрную периферию. В итоге кому-то удастся делать капитализм лучше других (тем, кто имеет выход на Атлантику, развитые города, церковную и светскую бюрократию, более автономное крестьянство и потенциально больше предпринимателей из нарождающегося «среднего класса»).

Спустя несколько десятилетий промышленная революция, в свою очередь, создаст такой военный потенциал, что не использовать его в расширении мировых рынков и установлении колониального господства будет противно логике капитализма. Британцы станут пионерами эпохи индустриально-военных завоеваний в Азии и Африке.

Глобализация времен Pax Britannica и Belle Epoque

До первой половине XIX века легитимирующим дискурсом власти служила традиция и религия. Напротив, у капитализма со времен Американской и Французской революции идеология секуляризируется и обращается в будущее: главное оправдание капитализма по сей день есть обещание экономического и технического прогресса, политической формой которого яв-

ляется либеральный, элитарно-технократический реформизм. Это формула изначально английского и, после 1945г., американского варианта идеологической гегемонии, хорошо сочетающейся с благоприятным «островным» геополитическим положением этих государств. В последнем факторе нет никакой мистики, речь идет о крайне удачном сочетании природной защищенности Великобритании и США от вражеских вторжений, расположения на магистральных подступах к наиболее выгодным атлантическим рынкам мироэкономики плюс возможности долгое время опираться на флот двойного (торгового и военного) назначения, что было нормой в эпоху океанских парусников.

С окончательной победы над Францией при Ватерлоо в 1815г. до возникновения единой Германии и мирового экономического кризиса в 1870-е годы Британия практически в одиночку определяла положение на мировых рынках и мировую политику. Это была очень стабильная и потому мирная конфигурация, прерывавшаяся лишь дважды – на романтические революции 1848 г. и на Крымскую экспедицию, когда потребовалось поставить на место николаевскую Россию, на основании былой победы над Бонапартом все еще считавшую себя гарантом абсолютистского порядка в Европе.

С 1870-х годов Британия была вынуждена разделить институциональное обеспечение мирохозяйства (а оно в те годы действительно становилось подлинно мировым) с клубом европейских великих держав, в котором роль мирового финансового регулятора и посредника играла семейная олигархия Ротшильдов. Это была по-своему изящная и изощреннейшая властная конфигурация. Экономические кризисы к 1896г. были преодолены с установлением системы государственного регулирования и горизонтальных картелей в Европе и банковско-трестовой вертикальной интеграции в Америке. Наука и техника чуть не ежедневно преподносили удивительные сюрпризы, которые очень скоро превращались в новейшие высокоприбыльные сектора производства — океанский пароход, телеграф и телефон, электричество, хинин и аспирин, автомобиль, кинематограф, бездымный порох и динамит. Европейское рабочее движение, некогда грозившее коммунистическим призраком, стало парламентски признанным партнером правящих элит – фактически, к концу XIX столетия. Колониализм в Азии и Африке и индустриально-аграрное освоение американских и австралийских территорий создали мощные компенсационные клапаны для оттока избыточных товаров, капиталов, населения, а также военных, притомившихся в мирной Европе, где уже почти столетие занимались одними парадами.

На 1913 год господство европейского капитализма абсолютно неоспо-

римо. Европе удалось преодолеть свой внутренний кризис, вызванный разрушением старых патримониальных учреждений (от церкви и феодальной монархии до патриархальной крестьянской семьи – всего, что так оплакивали консерваторы и что так беспокоило Дюркгейма с его идеями аномии). К концу «длинного XIX столетия» капиталистическое развитие стабилизировалось, установился некий новый *ancient regime* на основе интеграции пролетариата («опасных классов») в национальные государства, а национализм и социализм из оппозиционных политических программ революций 1848 г. стали основным элементом нового патерналистско-бюрократического консенсуса. Этот период был поистине *Belle Epoque*, настолько близко (а скорее и куда более) отвечающий сегодняшним завышенным представлениям о глобализации, что становится не по себе, если вспоминать, чем эта эпоха окончилась в 1914 г.[5].

Бисмарк, родоначальник государственности XX века

В Европе кошмарные социальные последствия капиталистического технического прогресса были преодолены двумя взаимодополняющими стратегиями: 1) государство было переориентировано с чисто военных и фискальных задач на проведение активной социальной политики. Так появились невиданные в истории министерства здравоохранения, образования, социального обеспечения, а также полиции; 2) пролетариат, тогда без обиняков называемый *les classes dangereuses* – «опасные классы» – был допущен к участию в политике и уравнен в правах.

Социалистические идеи при этом оказались интегрированы в практику нового либерального государства, и прежде всего, в кайзеровской Германии (идея Каутского о сверхимпериализме). Альтернативная британской идеологическая программа была связана с фигурой Бисмарка и борьбой за создание Германии в среднеевропейской тесноте.

Прусский путь предполагает использование военно-бюрократической машины в целях компенсации рыночной недостаточности за счет импортозамещения, госзаказов, поощрения технического образования, пожизненного найма и прочих мер рационально-патерналистской регламентации хозяйственных и социальных процессов. Естественно, подобная меркантилистская практика возможна только в пределах прочного национального государства и при наличии достаточно эффективной бюрократии.

Нельзя сказать, что один путь норма, а другой — патология. Это разные стратегии индустриализации, определяющиеся конкретными историческими обстоятельствами. Привилегированный англо-американский вари-

ант, движимый частнокапиталистическим предпринимательством, и прусский путь индустриализации посредством госкапиталистической мобилизации со временем скрестились и, распространившись по всему миру, обернулись множеством гибридов и мутаций одной и той же бюрократически-патерналистской модели «интеграции пролетариата» и построения социального государства. Таких вариаций много, они очень взаимообусловлены в реальной истории, и категории неизбежно размыты. Только сейчас у нас появляется возможность трезво и аналитически судить, а что, собственно, было общего у фашизма, коммунизма, социал-демократии и лейборизма, американского «*New Deal*», христианского социализма и христианской демократии, турецкого национализма, аргентинского популизма и т.д.

В период глобальной «тридцатилетней» войны за британское мировое имперское наследство 1914-1945 гг., всем государствам, даже британскому и американскому, пришлось прибегнуть к национальному меркантилизму, создать в той или иной степени военно-промышленные комплексы и социально-регулирующие механизмы бюрократического патернализма. В те тягостные и жуткие три десятилетия выживание государств оказалось напрямую связано с их способностью вести массовую войну индустриальными методами, иными словами, быстро поставить на поток производство металлоемких боевых машин и обеспечить патриотический призыв на военную и тыловую службу максимально большей части трудоспособного населения, включая женщин, в связи с чем у всех сторон возникают аппараты массовой пропаганды, государственной бдительности, массового технического обучения, военно-патриотических видов спорта и подросткового моделизма, а также всеобщего медицинского и социального обеспечения.

Среди моделей социального бюрократическо-патерналистского государства, возникших в межвоенный период (и особенно после мирового кризиса 1929 г.), одной из наиболее успешных вариаций оказался сталинизм, сплавившей воедино три основные властно-организационные достижения своего времени: вертикально интегрированный трест, военно-мобилизационное государство и массовую партию. Советскую модель вполне справедливо рассматривать в контексте других вариантов осуществления госкапиталистической мобилизации пролетариата и полупролетариата в полупериферийных государствах миросистемы, которые пытались адаптироваться к условиям межвоенного хаоса и острой геополитической конкуренции 1920-40-ых гг., а именно – социал-популистскими режимами Италии, Испании, Турции, Аргентины, Мексики, Бразилии и т.д.

Таковыми парадоксальными и причудливыми путями в течение столетия, с 1848 по 1945гг., в ядре и, отчасти, полупериферии современной капи-

талистической миросистемы была реализована социалистическая программа-минимум [6].

Фордизм, классический американизм

После 1945г. наступил новый долгий период хозяйственного процветания, обеспечиваемого геополитической стабильностью под эгидой к тому времени уже неоспоримой американской гегемонии (в которой для СССР был найден статус почетного ритуального противника в рамках политики сдерживания или мирного сосуществования). Господствующим образцом становится существенно продвинутая американцами модификация британского пути, известная как фордизм.

Формула фордизма — крупные государственные инвестиции в сопутствующую инфраструктуру (федеральная шоссейная сеть), внутрикорпоративное экономическое планирование и массовость: массовое производство с массовым потреблением производимых товаров, стимулируемые массовой культурой, массовой занятостью, массовым образованием и массовым соцобеспечением. В сущности, это бисмарковский государственный социализм (*Staatssozialismus*), точнее, бюрократический патернализм, соединенный с американским частнокапиталистическим размахом.

Заметьте, что громадные государственные и корпоративные бюрократии, созданные в период войн и депрессии, нигде, включая поверженные Германию и Японию, не вернулись к состоянию до 1914 г. Напротив, новообретенная мощь современного национального государства была повернута на решение социально-экономических задач мирного времени.

И, надо признать, успехи были потрясающие. Тогда, напомню, в очередной раз заговорили о новейшей эпохе конвергенции, научно-технического прогресса, выхода человечества в космос (на самом деле перенесения сверхдержавной статусной конкуренции в менее опасную область) и скорого превращения бедных и богатых в средние слои (социальная структура, соответственно, должна была напоминать луковицу — большое круглое тело с малюсенькими хвостиками бедности внизу и богатства вверху).

Современная глобализация: уникальная или очередная?

Функции государства, как мы видим, уже третье столетие продолжают неуклонно смещаться с традиционных, т.е. чисто военных задач в сторону все более изощренной социально-экономической регуляции и правового обеспечения, что наглядно иллюстрируется долгосрочной исторической ди-

намикой состава правительственных учреждений и бюджетных ассигнований западных государств.

Но это не простая и далеко не прямолинейная эволюция (эволюция вообще не бывает однолинейной). В последние годы мы наблюдали очередные циклические колебания в капиталистическом мирохозяйстве, которые, однако, отнюдь не следует возводить в какую-то принципиально новую стадию «глобализации» во избежание вероятных конфузов (сколько их уже было и кто сейчас, например, помнит ультраимпериализм К. Каутского?).

Глобализация, с точки зрения миросистемных циклов накопления Дж. Арриги, есть всего лишь очередная фаза высвобождения космополитичного и подвижного финансового капитала [7]. Как и в прежние времена, фаза финансирования возникла в качестве реакции на постепенное исчерпание и организационное окостенение устаревающего режима накопления – в данном случае, массово-фордистских промышленных секторов как Запада, так и Советского блока, восходящих к меркантилистско-мобилизационному периоду 1910-х – 1940-х годов.

Возникший в этот период «фордистский» режим накопления, основывающийся на массовом производстве и массовом потреблении (и, соответственно, на массовой культуре), безраздельно господствовал вплоть до 1970-ых. Существенной институциональной предпосылкой его бесперебойного функционирования являлось мощное государственно-бюрократическое регулирование, обеспечивающее стимуляцию массового спроса посредством роста благосостояния, создания мощного ВПК и развития «народного хозяйства» (этот термин вообще получил распространение именно в 1930-е годы) с сопутствующими инструментами кейнсианского регулирования. Наступление неолиберальной программы «глобализации» и экспансии «свободного рынка» в 1990-е вместе с одновременным крушением СССР явились симптомами одного и того же кризиса фордистской модели развития и, по сути, началом дезинтеграции социального рабочего государства «всеобщего благоденствия», созданного в 1930-70-ых.

Теоретически всякая фаза финансирования должна привести к созданию новых рынков, перерасмещению производственных баз и определению новых ведущих секторов производства на основе каких-то передовых технологий. Отчасти это свершилось, и, тем не менее, глобализация до сих пор скорее напоминает успешную рекламную компанию, выдавшую очень большие авансы роли МВФ, Восточно-азиатской индустриализации, в какой-то момент и российским реформам и особенно – компьютерной технике и биотехнологиям. Ни один из авансов, строго говоря, пока не оправдан.

Политически программа глобализации опирается на восстановленное

после кризиса 1970-ых монопольного положения США в мировой геополитике и геокультуре. Однако это положение далеко не столь прочно и уж наверняка не дотягивает до исключительных преимуществ, какими США пользовались в 1940-50-е годы, в период формирования предыдущего миросистемного порядка. Вероятно, это будет означать формирование некоего международного «демократического консорциума» ведущих государств, что собственно и происходит на различных великосветских международных саммитах и раутах. Это дело не столь отдаленного будущего, хотя надо трезво признать, что декларации западных лидеров пока опережают реальную слаженность и эффективность их действий. На них действует слишком много противоречивых давлений, одно из которых и ведет к постепенному выкристаллизовыванию глобальной социал-демократической культуры европейского типа. Это очень небогатая, негероическая, на первый взгляд, даже невнятная политическая культура, действующая на уровне стандартов экономического поведения, судебных решений, бюрократических приличий и официальных недомолвок не меньше, чем в публичных декларациях.

Очевидно, что только таким способом сегодня можно избегать разрушительных конфликтов в мире, где бóльшая половина населения пока выпадает из мирового производства и потребления, притом благодаря современным телекоммуникациям неизбежно наблюдает уровни потребления на Западе, где в ответ на капиталистическую глобализацию возникают всевозможные местные фундаменталистские реакции как на религиозной, так и на светски националистической почве.

«Всемирная революция» 1968 года и ее последствия

Однако далеко не все в глобализации можно объяснить с позиций шумпетеровского цикла обновления капиталистической экономики. В комплексе явлений, относимых к глобализации, проявились и долгосрочные эволюционные сдвиги в политической и социальной структуре позднего капитализма. Впервые эти сдвиги были обозначены молодежными протестами 1968-73 годов, в период студенческих волнений, антивоенных демонстраций, расовых беспорядков, политических убийств, импичмента Никсона, нефтяного эмбарго, левого и правого терроризма, взрыва рок-музыки и моды на потрепанные джинсы. Вне всякого сомнения, события и последствия тех лет прямо затронули и Советский блок. В Польше, Чехословакии и Прибалтике весна 1968г. стала репетицией осени 1989г.

В хаосе конца шестидесятых проявился мощный антиавторитарный протест на базовом культурном уровне, который поставил под сомнение сам

принцип патерналистской бюрократии. Это была первая попытка революции не по Марксу, а, скорее, по Макс Веберу. Впервые за почти три столетия модернизации наблюдался перелом в дотоле неуклонной тенденции к формалистической рациональности и бюрократической регламентации всех сфер современной жизни, от политики и корпоративного бизнеса до сексуального поведения. Протест 1968г. выглядел анархическим, несогласованным, нередко политически наивным как раз потому, что власть предлагалось не захватывать, а ставить под сомнение.

За несколькими исключениями, протестующие студенты, гражданские активисты и борцы за права меньшинств – находились ли они на капиталистическом Западе, социалистическом Востоке или националистическом Юге – стремились отнюдь не к приобретению власти. Скорее, все они стремились к разоблачению лицемерия как власти государства, так и любой Власти вообще. Главной мишенью был, конечно, бюрократический патернализм, олицетворенный установившимися иерархиями: государства, партии, корпорации, университета, традиционной семьи. Это было восстание против фигуры Босса и Начальника, застегнутого на все пуговицы делового костюма или форменного мундира. Бюрократическая власть перестала внушать трепет и вызывать автоматическое послушание.

Последствия 1968г. обернулись фактической победой новых, университетски-образованных средних слоев над патерналистской бюрократией в ключевой точке современной социальной регуляции – формировании общественного вкуса и запросов. Было достигнуто существенное расширение допускаемых проявлений индивидуальности. Чтобы не вдаваться в социологические подробности, прибегну к метафоре – главным итогом было закрепление общественного иммунитета к авторитаризму любого рода: политического, экономического, культурного. Хорошим индикатором может являться, например то, что практически повсеместно рассеялась романтическая аура, окружавшая, например, военного «человека в форме».

За всплеском протестов и кризисом последовала неоконсервативная реакция Тэтчер и Рейгана, которая способствовала высвобождению предпринимательской энергии капитализма и значительному облегчению перетока капиталов между секторами и между государствами. С этого и начинается текущая глобализация. Следом, вполне логично, пришло молодое поколение политиков либерально социал-демократического толка, вроде Клинтона, Блэра, Шредера и даже ставших прагматиками радикалов, вроде Йошки Фишера. Благосостояние было восстановлено, западные экономики довольно быстро очистились от склеротических бюрократических барьеров, настал че-

ред новой фазы институционального закрепления.

Подведем итоги: где мы находимся, и что нас ждет в будущем?

Таким образом, процесс широкомасштабной и всемирной экспансии капиталистического свободного рынка, получивший наименование «глобализации», в действительности является одной из повторяющихся циклических тенденций в истории капитализма. По сути, мы подходим к концу одного экономико-технологического цикла (и режима накопления) и вступаем в начало другого: в 1970-е годы патерналистско-бюрократическая «фордистская» модель вошла в широкомасштабный кризис, началом которого стала «всемирная революция» 1968 года, а «последней каплей» – революции 1989 года.

Крах советской системы в конце 1980-ых был всего лишь одним из элементов этого кризиса, и именно он ознаменовал начало очередной капиталистической глобализации. Другим, не менее важным его элементом, стала американская дерегуляция мирового рынка 1990-ых гг., последствия которой и получили, собственно, наименование «глобализации». В этом смысле данная трансформация сравнима с коллапсом европейского *Ancient Regime* в конце XVIII – первой половине XIX века.

Действительно ключевой вопрос «глобализации» заключается в интеграции новых «опасных классов» Юга в мировую капиталистическую систему. Население этой зоны утратило или на глазах утрачивает патриархальный деревенский уклад, переходя в разряд городских маргиналов, но при этом слабо подвергается воздействию новых цивилизующих, социально-сдерживающих механизмов. Мы опять в ситуации, напоминающей до-фордистский капитализм XIX столетия, только теперь в глобальном масштабе. Мировая «глобальная деревня» XXI столетия уж очень напоминает Лондон и Манчестер 1830-ых. Что делать с этой большей частью человечества, которые, как тараканы, просачивающиеся со своей грязью, болезнями, наркотиками, эпидемиями, преступностью и варварскими вкусами в привилегированный «Прекрасный новый мир» ядра миросистемы? Отгораживаться от них новой Китайской стеной? Сажать в тюрьму миллионами, как чернокожих люмпенов в Америке? Посылать к ним миссионеров из всяких НГО? Бомбить их? Это тупик, или, по словам Арриги, кризис 1970-ых, который все-таки так и не получил положительного разрешения.

Аналитически проблема подобна травматическому переходу западноевропейского простонародья в городские трущобы, но, в отличие от XIX века, большинство жителей новых трущоб Юга превращаются даже не в наемный пролетариат, а в люмпенов. Отчасти задачи социальной организации (общинное

и индивидуальное самосознание, благотворительность, моральные нормы) берет на себя религиозно-фундаменталистское возрождение, наблюдаемое и в исламе, и в латиноамериканском христианстве, и в африканском культовом синкретизме, и в индуизме. Однако даже в куда менее секуляризованном мире эпохи Реформации, в крайне хаотичном XVI в. религиозные движения были лишь компонентом формулы, в конечном итоге приведшей Европу к современному порядку. Двумя другими компонентами были растущие рыночные экономики и государства. Однако дискредитированные и глубоко коррумпированные квази-государства Третьего мира, перманентно пребывающие в кровавом хаосе гражданских войн «войны всех против всех», едва ли способны выполнять социально-организующую роль в будущем.

Что остается? Похоже, на пока малоудачном примере Косово, Ирака, Сьерра-Леоне, Сомали и других стран мы наблюдаем рождение принципиально новых международных полицейских и социально-ориентированных перераспределительных механизмов поддержания глобального «порядка и стабильности», нечто вроде социал-демократического неокOLONIALИЗМА, хотя, конечно, для его обозначения когда-нибудь будет изобретено другое слово.

Альтернативой социал-демократическому варианту институционализации глобального миропорядка выступает многосторонняя конфронтация по известному хантингтоновскому сценарию столкновения цивилизаций. Тут уж никак нельзя поручиться, что в отличие от оптимистичного и сдержанного советско-американского соревнования, глобальная война цивилизационных блоков не перерастет в настоящий геноцид.

Источники и литература

1. См. масштабные синтезирующие итоги в: *Wallerstein I.* The Modern World-System, Vol. I-III, San-Diego, Academic Press, 1974-1989; *Collins R.*, Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run, Stanford, CA, Stanford University Press, 1999; *Mann M.*, The Sources of Social Power, Vol. I-II, Cambridge, Cambridge University Press, 1986-1993; *Tilly C.*, Coercion, Capital, and European States, AD 1990 –1992, Oxford, Blackwell, 1992; *Anderson P.*, Lineages of the Absolutist State, London, New Left Books, 1974.
2. Ставшая классической статья Чарльза Тилли так и озаглавлена: “Становление войны и государства как организованная преступность”. См.: *Tilly Charles*, “War Making and State Making as Organized Crime,” // Peter Evans, Dietrich Rueschmeyer, Theda Skocpol (eds.) Bringing the State Back In, Cambridge, Cambridge University Press, 1985, pp. 169-191.

3. Кроме работ Ч. Тилли, военный аспект специально анализируется в работах У. Макнилла, напр.: *McNeill W.*, *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society Since A.D. 1000*, Chicago, University of Chicago Press, 1982.
4. См, например: *Arrighi G.*, *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Making of Our Times*, London, Verso, 1994, pp. 127-158.
5. См. блестящий анализ у М.Манна и Дж.Арриги: *Mann M.*, *The Sources of Social Power*, Vol. II, Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 740-779; *Arrighi G.*, *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Making of Our Times*, London, Verso, 1994, pp. 159-238; общая панорама «длинного XIX столетия» филигранно выписана у Эрика Хобсбаума в его знаменитой трилогии: *Хобсбаум Э.*, *Век революции. Европа 1789-1848*, Ростов-на-Дону, Феникс, 1999; *Хобсбаум Э.*, *Век капитала. 1848-1875*, Ростов-на-Дону, Феникс, 1999; *Хобсбаум Э.*, *Век Империи. 1875-1914*, Ростов-на-Дону, Феникс, 1999.
6. Более подробно см.: *Derluguian Georgi*, “The Capitalist World-System and Socialism.” // Alexander J. Motyl (ed.) *Encyclopedia of Nationalism*, Vol. 1, Fundamental Issues, New York, Academic Press, 2001, pp. 55-80.
7. *Giovanni Arrighi*, “Globalization and Historical Macrosociology” // Janet L. Lughod (ed.) *Sociology for the Twenty-First Century*, Chicago, University of Chicago Press, 1999, pp. 117-133.

Сентябрь, 2004г.

ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԱԶԳԱՅԻՆ ՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՀԵՐԹԱԿԱՆ ԿԱՊԻՏԱԼԻՍՏԱԿԱՆ ԳԼՈՒԲԱԼԻԶԱՑԻԱՆ

Գեորգի Դերլուգյան

Ամփոփագիր

Ռուսական տերության հին պատմամշակութային կարծրատիպերը հաղթահարելու համար անհրաժեշտ է նրա պատմական հետազիծը համադրել Նոր Ժամանակի տարբեր պետություններում իրականացվող պատմական հնարավորությունների ամբողջության հետ: Աշխարհահամակարգային վերլուծության հեռանկարում Ռուսաստանն իր կենտրոնացված ղեկավարությամբ, ռազմականացված մրցավազքային զարգացման պետության միանգամայն հաջող օրինակ է: Մակրոսոցիոլոգներ Չարլզ Թիլիի, Մայքլ Մանի, Ջովանի Առիգայի եւ Իմանուիլ Վալերսթայնի տեսությունները տալիս են իշխանության այն տեսակի տրամաբանորեն հանգուցային եւ միանգամայն մատերիալիստական բացատրությունը, որը պատմականորեն առաջացավ Հյուսիսային Եվրասիայի տարածքում և ինքնակործանվեց 1991թ.:

Իր պատմության ընթացքում Ռուսաստանը երեք անգամ յուրովի աշխարհառազմավարական և մշակութային-գաղափարախոսական հավասարության է հա-

սել աշխարհահամակարգի միջուկը հանդիսացող կապիտալիստական պետությունների հետ. Իվան «Ահեղի» օրոք, երբ Մոսկովյան թագավորությունն ունեցավ հզոր հրազենային բանակ, հաղթեց քոչվոր ժողովուրդներին և ծավալվեց Մեծ տափաստանում, Պյոտր և Եկատերինա «Մեծերի» օրոք, որոնք կայսրությունը լրացրին ռազմածովային նավատորմի հզորությամբ և ազնվականական բացարձակ (աբսոլյուտ) կառավարման ապարատով, և, վերջապես, խորհրդային ժամանակներում, երբ մարքսիստական գաղափարախոսության և բիսմարկյան պետական պլանավորման միակցմամբ ստեղծվեց իսկապես գերտերության ռազմարդյունաբերական բազա՝ հանրակրթության համապատասխան մակարդակով և պետական պաշտոնյաների համընդհանուր պրոլետարացմամբ: Մրցավազքային զարգացման հիմնախնդիրներն առաջացան հենց ԽՍՀՄ հաջողությունից: Նախ 1945թ. հետո Մոսկվան ստիպված էր կառավարել բազմազգ մի կայսրություն, որի թափը՝ Վիետնամից մինչև Կուբա, գերազանցում էր ցարերի ձեռքբերումները: Երկրորդ գյուղացիական բազայի սպառմամբ ձեռք բերվեց էքստենսիվ ժողովրդագրական աճ, երբ նվաճումներն այլևս չէին կարող ձեռք բերվել մարդկային ջանքերի և կյանքերի գնով: Երրորդ՝ 1968թ. երիտասարդական հուզումների ժամանակաշրջանում կրթված մասնագետների նոր զանգվածային դասը մարտահրավեր նետեց իշխող բյուրոկրատիային, որին վերջինս պատասխանել չկարողացավ, սակայն չկարողացավ նաև դիմել զանգվածային բռնաճնշումների՝ զգուշանալով սեփական իշխանության և անձնական անվտանգության համար: Արդյունքում՝ խորհրդային ղեկավարությունը Գորբաչովի օրոք ձեռնարկեց համարձակ, բայց վատ մտածված քաղաքական բարեփոխումների ծրագիր, որոնք ակնկալվող վերահսկելի ժողովրդավարացման փոխարեն փլուզեցին հենց պետական ապարատը և կործանեցին նրա երբեմնի կենտրոնացվածությունը՝ համապատասխանաբար գոյացնելով նորանկախ պետություններ և հակամարտություններ նրանց միջև:

Հետխորհրդային տարածքում արդեն տասնամյակից ավելի շարունակվող քառսն ու տնտեսական անկումը խոչընդոտ դարձան շուկայական գլոբալացման տարբերակի համար, որ ստեղծում է Միացյալ Նահանգները: Ներկայումս երկու այլընտրանք է դիտարկվում: Ամերիկյան իսթերիչմենթի մի մասը հույս ունի ԱՄՆ զինուժի առավել ակտիվ գործադրման՝ համընդհանուր ֆինանսական պարտքի լծակի զուգակցմամբ: Սակայն կայսերական հնազանդեցման գիծը առաջ է բերում բուռն դիմակայություն, որն սպառնում է խարխալել հենց ԱՄՆ գլոբալ դիրքերը: Ուստի, առավել հավանական է գլոբալ մակարդակ փոխադրել սոցիալ-դեմոկրատական կարգավորման և մարդու իրավունքների աշխարհամշակույթի մեխանիզմները, որոնք ձևավորվել են Արևմտյան Եվրոպայում: Բայց կբավականացնի՞, արդյոք, փողը, համապատասխանաբար և քաղաքական կամքը՝ առավել փափուկ այս գծի իրականացման համար: